Воспоминанія Ц. С. Ясенскаго.

(1840—1844 г.г.)

Въ 1835 г. я поступилъ въ 1 классъ винницкой гимназіи, но послѣ перехода во 2-й классъ, не знаю по какимъ причинамъ, покойный отецъ мой перевелъ меня въ житомирскую гимназію, гдѣ я переходилъ 2 и 3 классы. Эти два года я считаю самыми несчастными въ моей жизни. Директоромъ гимназіи былъ какой-то нѣмецъ, котораго фамилію я забылъ, но помню только то, что онъ всѣхъ славянъ считалъ скотами, а инспекторъ Е. Я. Зимовскій сѣкъ всѣхъ учениковъ безъ разбора, такъ что при воспоминаніи о немъ мнѣ кажется, что я былъ этихъ два года въ каторжныхъ работахъ.

Въ К. І Г. попалъ я по слѣдующему случаю. Послѣ смерти отца, приключившейся въ 1839 г., опекуномъ надо мною и имѣніемъ назначенъ былъ родной братъ матери моей, сквирскій уѣздный судья, Іосифъ Страшинскій, считавшій себя чуть-ли не умнѣйшимъ изъ всѣхъ обитателей земного шара, несмотря на то, что онъ окончилъ всего два класса кременецкаго лицея и вышелъ изъ полка въ отставку юнкеромъ. Нужно было вмѣстѣ съ матерью подписать какое-то прошеніе о снятіи опеки съ имѣнія. Когда пришлось подписывать прошеніе, мать моя, какъ полька, подписалась: „Анѣля Адамовна Ясинска"; когда мнѣ дали перо, я, увидавъ эту подпись, добавилъ въ концѣ букву „я". Опекунъ мой пришелъ въ ярость, какъ это я посмѣлъ исправлять подпись матери, а когда я сталъ доказывать, что я поступилъ правильно, ссылаясь на мою „пятерку" изъ русскаго языка въ свидѣтельствѣ, то онъ въ гнѣвѣ заявилъ: „если ты такъ любишь все русское, то я тебя и опредѣлю въ Кіевскую 1-ую гимназію, въ которой тебя будутъ сѣчь больше, чѣмъ въ житомирской".

Узнавъ изъ программы, что въ К. І Г. тогда было 6 классовъ, причемъ съ аттестатомъ зрѣлости поступаютъ изъ нея въ университетъ безъ экзамена, и что для поступленія въ 4-й классъ нужно сдать всю греческую исторію и стихосложеніе, я выучилъ всю греческую исторію въ три дня, а затѣмъ, такъ какъ въ житомирской гимназіи стихосложеніе преподавалось почему-то на латинскомъ языкѣ, то все вакаціонное время я училъ стихосложеніе на латинскомъ языкѣ, по занятой отъ товарища тетради.

Со страхомъ отправился я вмѣстѣ со Страшинскимъ въ Кіевъ и, по прибытіи, былъ имъ отрекомендованъ директору К. І Г., что, несмотря на хорошія отмѣтки, я гордъ и строптивъ и что поэтому необходимо, для исправленія, наказывать меня почаще розгами.

Такъ какъ экзамены тогда производились передъ вакаціями, то въ моемъ житомирскомъ свидѣтельствѣ написано было, что я награжденъ похвальнымъ листомъ и переведенъ въ 4 классъ, а потому я явился къ директору съ просьбой допустить меня къ дополнительному экзамену изъ исторіи и стихосложенія. Директоръ повелъ меня въ 3 классъ, гдѣ былъ урокъ учителя исторіи, который заставилъ меня разсказать исторію Греціи отъ начала до конца, послѣ чего поставилъ мнѣ „5". Стихосложеніе спрашивалъ меня самъ директоръ, причемъ на вопросъ: „что такое стихосложеніе?" я отвѣтилъ: „Prosodia est pars grammaticae, quae docet quantitatem syllabarum, quae longe, quae breviter sunt pronontiandae". Затѣмъ слѣдовалъ удивленный вопросъ директора: „почему же

ты не говоришъ по-русски?" Мой отвѣтъ: „не знаю" вызвалъ въ цѣломъ классѣ хохотъ. Тогда я подалъ директору мою тетрадь, въ объясненіе того, почему я отвѣчаю стихосложеніе по-латыни. Затѣмъ меня спросили, что такое ямбъ и хорей и сколько въ нихъ долгихъ и краткихъ слоговъ, и я былъ принятъ въ 4 классъ и въ 1-й благородный пансіонъ при К. І Г.

Жизнь моя въ пансіонѣ К. І Г. была счастлива, покойна, и могу справедливо сказать, что она составляетъ счастливѣйшій періодъ всей моей жизни. Особенно пріятно вспоминать благородный и ласковый характеръ директора Александра Петрова, справедливаго и честнѣйшаго изъ людей. Подборъ учителей, которые почти всѣ были надзирателями въ пансіонѣ, много способствовалъ при изученіи преподаваемыхъ предметовъ; всѣ они, вмѣстѣ съ инспекторомъ А. П. Любимовымъ, были добрые и честные люди, воспоминаніе о которыхъ вызываетъ у меня искреннее сожалѣніе о прошломъ.

Есть у меня еще одно воспоминаніе, о которомъ нельзя умолчать, такъ какъ оно свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о честнѣйшемъ характерѣ нашихъ учителей, съ другой же, показываетъ, какъ вкореняется въ дѣтскихъ душахъ любовь къ воспитателямъ, если они добры и справедливы. Директоръ и инспекторъ были оба именинниками 30 августа, и всѣ воспитанники старались въ этотъ день поднести имъ подарки, иногда и весьма цѣнные. Нашъ 1-й пансіонъ былъ больше всѣхъ другихъ, ибо въ немъ числилось до 150 воспитанниковъ. Были богачи, которые давали по 25, а иногда и по 100 руб., а бѣдняки казеннокоштные давали и по 30 копѣекъ. Складчина эта доходила до 800 и болѣе рублей. Торжество этихъ дней было памятно надолго, какъ именинникамъ, такъ и воспитанникамъ. Утромъ на второмъ этажѣ окна пансіона завѣшивались одѣялами и географическими картами, чтобы вездѣ было темно. Два транспаранта, одинъ противъ другого, освѣщались восковыми свѣчами (ибо стеариновыхъ тогда еще не было). При хорѣ нѣвчихъ и съ подарками для именинниковъ, воспитанники ожидали ихъ появленія. Подарки эти, какъ уже сказано, были иногда весьма цѣнные: напримѣръ, золотые часы съ таковою же цѣпью, дюжина столоваго серебра, а однажды, когда складчина дошла до 1000 руб., были куплены илинскія дрожки московской работы, пара лошадей въ наборныхъ хомутахъ и даже кучеръ, которому директоръ сейчасъ же далъ вольную.

Наказанія учениковъ были весьма рѣдки: при мнѣ былъ наказанъ исключеніемъ изъ пансіона и гимназіи всего одинъ ученикъ за крупное воровство. За хорошіе успѣхи въ наукахъ—„четверки" и „пятерки"—записывались имена учениковъ на красной доскѣ, а за „единицы" на черной. Кромѣ того, выдавались намъ разныя мелкія награды, напр., красивые карандаши, ножики и т. п., или же водили насъ въ театръ, на концерты и т. д.